

ОТРЯД
ОТМОРОЗКОВ

THE BASTARD BRIGADE

**THE TRUE STORY OF THE RENEGADE
SCIENTISTS AND SPIES WHO SABOTAGED
THE NAZI ATOMIC BOMB**

SAM KEAN

Little, Brown and Company
New York Boston London

ОТРЯД

Миссия «Алсос», или Кто помешал
НАЦИСТАМ СОЗДАТЬ АТОМНУЮ БОМБУ

ОТМОРОЗОКОВ

СЭМ КИН

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2023

УДК 94(4+7)"1939/1945"

ББК 63.3(0)62

К41

Переводчик Тамара Казакова
Редакторы Михаил Оверченко, Петр Фаворов

Кин С.

К41 Отряд отморожков: Миссия «Алсос», или Кто помешал нацистам создать атомную бомбу / Сэм Кин ; пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2023. — 496 с. : ил.

ISBN 978-5-00139-804-2

Представьте себе, что первая атомная бомба появилась бы у нацистской Германии. В начале Второй мировой войны та сильно опережала страны-союзницы в ядерных исследованиях: Урановый клуб был создан на два года раньше Манхэттенского проекта. Страх перед немецким ядерным проектом был так велик, что некоторые ждали атомной бомбардировки Лондона уже в конце 1943 г. Поэтому борьба с ним велась по разным направлениям и разными людьми. Ирен Жолио-Кюри прятала от захвативших Францию немцев радий (как это делала ее мать Мария в Первую мировую). Редактор немецкого научного журнала вытягивал информацию из физиков и инженеров и передавал ее на Запад. Великобритания забрасывала спецназовцев, чтобы взорвать завод по производству тяжелой воды в оккупированной Норвегии. Брат будущего президента США Кеннеди тренировался управлять начиненным взрывчаткой самолетом; с помощью примитивной электроники его предполагалось обрушить на бункеры для ракет «Фау», которые, как считалось, могли нести атомные заряды. А после высадки союзников на континенте бывшие белогвардеец, бейсболист и друг главного физика Уранового клуба вели настоящую охоту за немецкими учеными.

УДК 94(4+7)"1939/1945"

ББК 63.3(0)62

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alпина.ru

ISBN 978-5-00139-804-2 (рус.)

ISBN 978-0316381680 (англ.)

© Sam Keap, 2019

© Издание на русском языке, перевод, оформление.

ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	11
ПРОЛОГ: ЛЕТО 1944-го	13
ЧАСТЬ I 1939 ГОД И РАНЕЕ	
ГЛАВА 1 ПРОФЕССОР БЕРГ.....	25
ГЛАВА 2 ОБИДНЫЕ ПРОМАХИ И БОЛЬШИЕ ПОБЕДЫ.....	37
ГЛАВА 3 БЫСТРЫЕ И МЕДЛЕННЫЕ	53
ГЛАВА 4 ИЗ КРЫМА В ГОЛЛИВУД	57
ГЛАВА 5 ДЕЛЕНИЕ.....	65
ГЛАВА 6 ВЫХОД ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ	80
ГЛАВА 7 БАНЗАЙ БЕРГ!	95
ГЛАВА 8 НА ГРАНИ	103
ЧАСТЬ II 1940–1941	
ГЛАВА 9 УРАНОВЫЙ КЛУБ.....	113
ГЛАВА 10 ТЯЖЕЛАЯ ВОДА	128
ГЛАВА 11 ОТ ФАЛЬШИ К РЕАЛЬНОСТИ.....	134
ГЛАВА 12 БЕЗУМНЫЙ ДЖЕК.....	137
ГЛАВА 13 КОМПРОМИСС	144
ГЛАВА 14 ГАРВАРД: ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ.....	147
ГЛАВА 15 МОД РЭЙ КЕНТ	150
ЧАСТЬ III 1942	
ГЛАВА 16 СОПРОТИВЛЕНИЕ	155
ГЛАВА 17 ВЗРЫВ, УСЛЫШАННЫЙ ВО ВСЕМ МИРЕ.....	160
ГЛАВА 18 ОТЪЕЗД НА ВОЙНУ	166

ГЛАВА 19	Бразилия и не только	172
ГЛАВА 20	Баха.....	183
ГЛАВА 21	«ФАУ-1», «ФАУ-2», «ФАУ-3»	189
ГЛАВА 22	Письма.....	191
ГЛАВА 23	Операция «Первокурсник».....	197
ГЛАВА 24	Итальянский мореплаватель.....	209
ЧАСТЬ IV	1943	
ГЛАВА 25	Секретные послания.....	217
ГЛАВА 26	Операция «Ганнерсайд»	221
ГЛАВА 27	Утешение философией.....	238
ГЛАВА 28	«И начнется веселье»	245
ГЛАВА 29	По следу красных.....	251
ГЛАВА 30	Прекрасный Пенемюнде.....	258
ГЛАВА 31	РТ-109	266
ГЛАВА 32	Болтун	271
ГЛАВА 33	Тяжелая вода под прицелом.....	276
ГЛАВА 34	«Алсос»	284
ЧАСТЬ V	1944	
ГЛАВА 35	«Трудолюбивая Лизхен»	293
ГЛАВА 36	Вторая атака Гровса.....	298
ГЛАВА 37	Паром	301
ГЛАВА 38	Акулы	308
ГЛАВА 39	Бискайский блюз	313
ГЛАВА 40	Толстый капитан	319
ГЛАВА 41	Буры и «Перечная мята»	322
ГЛАВА 42	Рем.....	327
ГЛАВА 43	«Афродита» против «Наковальни»	334
ГЛАВА 44	«Валькирия»	342
ГЛАВА 45	Побег и Сопротивление	346
ГЛАВА 46	«Молния-А»	350
ГЛАВА 47	«Стильный черный костюм»	363
ГЛАВА 48	Все еще неплохой кетчер.....	371
ГЛАВА 49	«Увидимся»	374

ГЛАВА 50	Зоопарк коллаборационистов.....	379
ГЛАВА 51	Здоровые лучи, здоровые зубы, здоровая паранойя	386
ГЛАВА 52	Беспощадный тип.....	392
ГЛАВА 53	Имперский университет	401
ГЛАВА 54	Принципы и неопределенность	409
ЧАСТЬ VI	1945	
ГЛАВА 55	Операция «Биг».....	419
ГЛАВА 56	Одинокий органист.....	429
ГЛАВА 57	Триумф и поражение.....	435
ГЛАВА 58	Гоймания	443
ГЛАВА 59	ЭФФЕКТ РАЗОРВАВШЕЙСЯ БОМБЫ	450
ЭПИЛОГ	1946 ГОД И ДАЛЕЕ	461
	СПАСИБО И КОЕ-ЧТО ЕЩЕ	471
	БЛАГОДАРНОСТИ	472
	ОСНОВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	474
	ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ВТОРОГО ПЛАНА	476
	ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	478

Странные вещи могут казаться
разумными тем, кто знает достаточно,
чтобы бояться худшего.

ТОМАС ПАУЭРС,
АМЕРИКАНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
И ЭКСПЕРТ ПО РАЗВЕДКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

На встречах с читателями меня часто спрашивают, почему я не написал книгу о физике. Действительно, в университете я изучал именно физику и до сих пор считаю ее самой романтической из естественных наук. Ни одной другой научной области не присущ такой охват — от состава субатомных частиц до судьбы космоса, не говоря уже обо всех доступных человеческому восприятию предметах и явлениях. Постигая физику, постигаешь Вселенную.

Однако в предыдущих четырех книгах я в основном не затрагивал физику, уделяя вместо этого внимание химии, генетике, нейрофизиологии и проблемам атмосферы. Почему? Если коротко, то я сохранял верность своей второй университетской специализации — английской литературе. Иными словами, мне больше всего нравится рассказывать истории, и, задумывая книгу, я в первую очередь ищу какую-нибудь захватывающую историю. Мне нужны герои и злодеи, конфликты и драмы, повороты сюжета и финальное воздаяние. По правде сказать, я просто не находил в физике темы, которая бы настолько захватила мое воображение, что об этом захотелось бы написать книгу.

До сих пор. История миссии «Алсос» — эпическое приключение с целью не позволить нацистам заполучить атомную бомбу — оказалась той самой темой, где физика переплетается с авантурным сюжетом; она так и просится, чтобы о ней рассказали. Разумеется, важным аспектом этой истории является наука, однако в ее центре — люди, которые не просто исполняли свой долг, но были готовы

ради достижения цели прибегнуть к любым средствам: шпионажу, диверсиям, обману, даже убийству. О чем бы ни шла речь в книге, нас прежде всего привлекают персонажи, а в данном случае это пираты и нобелевские лауреаты, главы государств и голливудские старлетки, люди, наделенные великой силой духа и презренным малодушием. Главное в них — то, что они люди, поставленные в обстоятельства, где проявляются лучшие и худшие черты человеческой природы.

«Отряд отморозков» — это новое для меня направление, вызов, брошенный самому себе как писателю. В других книгах я придерживался одной темы (периодическая таблица, человеческий мозг и т. д.) и нанизывал на нее несколько десятков историй. Главы в основном не зависели друг от друга, и их можно было читать по отдельности, как сборник рассказов. В этой книге больше связности, она ближе к роману. Хотя в ней несколько сюжетных линий, в целом тут рассказывается одна общая история и истина выясняется только через совокупность поступков персонажей.

Поскольку главное в этой истории — ее герои, я считал полезным представить в конце их список (при этом очень постарался не выдать каких-либо сюжетных тайн). Если читатель забудет, кто есть кто, всегда можно заглянуть на эти страницы.

Очень надеюсь, что книга вам понравится. Я так люблю физику, что старался быть очень осторожным, предпринимая первую литературную вылазку в эту область науки, и рассказанная мною история стоит потраченного на нее времени.

ПРОЛОГ: ЛЕТО 1944-го

Когда они выходили из дома, притолока над их головами разлетелась в щепки. В тот день в Бориса Паша стреляли не в первый, да и не в последний раз. Часом ранее Паш со своим напарником углубился в полный мин-ловушек северофранцузский лес, чтобы добраться до этого прибрежного коттеджа. До них в этом лесу погибли семь отважных бойцов Сопротивления, но у Паша имелась авантюрная жилка, которую многие называли безрассудством, а потому он упрямо рвался вперед. У него было задание — захватить некоего местного ученого. Насчет причин этого задания Паш помалкивал. Но в тот день у него голове то и дело звучали слова, услышанные несколькими неделями ранее от одного из боссов в Вашингтоне: «Малейшее промедление — и мы можем понести колоссальные потери, а то и проиграть войну».

Это не было преувеличением. Паш возглавлял научно-диверсионный отряд под кодовым названием «Алсос», направленный в Европу для сбора секретных данных о самой жуткой угрозе, которую только можно было себе представить, — нацистском проекте создания атомной бомбы. «Алсос» действовал автономно, не входя в состав какой-либо более крупной воинской части, поэтому неформально его называли «Отрядом отморозков». Это прозвище в полной мере соответствовало и самому Пашу — ветерану Первой мировой войны, дерзкому разведчику, не брезговавшему в тылу врага любимыми методами, что доводило до истерики его кураторов в Вашингтоне.

Однако штабные крысы нуждались в спецах вроде Паша: он брался за задания, за которые не взялся бы никто другой. Например, за поимку ученого во французской приморской деревушке, все еще оккупированной немцами. Ученый этот был известным физиком, нобелевским лауреатом, специалистом по ядерным исследованиям, который подозревался в сотрудничестве с немцами. Похищение такой фигуры могло бы сорвать всю нацистскую программу по разработке атомной бомбы и предотвратить попадание смертоносного оружия в руки Адольфа Гитлера.

Однако после того как Паш и его спутник обошли в лесу все мины и добрались до коттеджа, их ждало разочарование. Ничего и никого. Дверь не заперта, дом пуст, если не считать мусора. Они все равно провели тщательный обыск, но не обнаружили ни документов, ни оборудования, ни, разумеется, самого физика-ядерщика. В Вашингтоне опасались, что малейшее промедление в поимке объекта могло привести к поражению союзных сил в войне. И вот объект исчез. Удрученные Паш с напарником уже выходили из коттеджа, когда пули разнесли в щепки притолоку над их головами. Застрочил пулемет.

Оба диверсанта бросились на землю и по-пластунски поползли к спасительному лесу. Учитывая секретность задания, Паш мало кому сообщил о плане своих действий в тот день. Поэтому он не имел понятия, кто и почему в них стреляет, — немцы, американцы или неизвестно кого поддерживающие французские дезертиры. Но кто бы это ни был, их цель была ясна — сделать Паша и его напарника восьмой и девятой жертвами охоты на французского физика.

Пока Борис Паш выбирался из-под пулеметного обстрела, новый научный руководитель «Отряда отморозков» переживал другую напасть. Физик-ядерщик Сэмюэл Гаудсмит, щеголеватый человек с любезными манерами, вскоре после высадки союзников в Нор-

мандии прибыл в Лондон, где стал свидетелем первого удара снарядами «Фау-1». Посреди ночи в небе над городом слышалось жужжание, которое затем стихало: это отключался двигатель ракеты, и она начинала падать. На несколько мгновений наступала жуткая тишина, многие на земле задерживали дыхание — а потом раздавался взрыв. Секунду-другую снова стояла тишина, после чего слышались крики, которые уже не стихали всю ночь.

Наутро Гаудсмит занялся малоприятным делом — со счетчиком Гейгера обследовал воронки от взрывов «Фау-1». Военные чиновники буквально тащили его от воронки к воронке, едва не сталкивая по тлеющим склонам, чтобы он проверил, не раздадутся ли внизу характерные щелчки счетчика, фиксирующие радиоактивность. Немцы пришли в бешенство от высадки союзников на континент, и объединенное командование опасалось, что в отместку противник обрушит на другой берег Ла-Манша ядерные боеприпасы. Ракеты «Фау» казались для этого идеальными носителями, и на долю Гаудсмита выпало обследование всех воронок, что остались после взрывов.

Хотя следов радиоактивности Гаудсмит так и не выявил, расслабиться ему не удалось. Наоборот, вскоре он получил еще более опасное задание — в поисках ядерного оружия проникнуть в логово дракона, на территорию Рейха. Устрашающе выглядел даже список необходимых вещей, которые ему следовало взять с собой на континент. Например, шерстяная кепка «для использования с каской». В него что, будут стрелять? Боже милостивый, еще и противогаз? Наиболее зловещими казались советы обновить завещание и застраховать свою жизнь. Это все равно что позвонить жене и сказать, что он уже не жилец. К тому же выяснилось, что ни одна страховая компания Америки не предоставит страховку сотруднику миссии «Алсос». Давайте называть вещи своими именами. Вы отправляетесь на территорию, контролируруемую нацистами, для обнаружения атомного сверхоружия — и хотите застраховать свою жизнь? Только не у нас. Если Борис Паш рассматривал «ядерный десант» как приключение, то Гаудсмит видел в нем только опасность и неизбежную гибель.

Гаудсмит, вероятно, не попал бы на войну, но пожертвовать домашним уютом его вынудили серьезные обстоятельства. Будучи голландским евреем, он был полон решимости отомстить Гитлеру. Кроме того, в странах-союзниках было очень мало физиков-ядерщиков, не задействованных в Манхэттенском проекте, и поэтому он находился в уникальном положении — мог оценить информацию, полученную при допросе немецких ученых, изучающих расщепление урана, и при этом не выдать особых секретов, если его самого поймут и — о, господи! — станут пытаться. Помимо всего прочего, он знал несколько европейских языков и был лично знаком с ведущими немецкими физиками.

По крайней мере, раньше был. За годы войны он возненавидел многих из них. Он хорошо знал легендарного специалиста по квантовой физике Вернера Гейзенберга и однажды даже принимал его у себя дома. Но добрым отношениям пришел конец, когда Гейзенберг стал участником немецкой программы по разработке ядерного оружия. Гаудсмит считал Гейзенберга предателем и не желал теперь коллеге ничего хорошего. Например, он на полном серьезе предлагал провести в Германии тайную операцию с целью похитить своего бывшего друга. По мере поступления все большего числа слухов об исследованиях немецких ученых Гаудсмит оказался вовлечен в еще более радикальные планы, включая идею отправки в Швейцарию бывшего профессионального игрока Главной лиги бейсбола, которого следовало снабдить пистолетом и капсулой с цианидом для убийства Гейзенберга во время научного доклада.

Но еще больше, чем ненависть к Гейзенбергу, к участию в европейской войне Гаудсмита подталкивали причины личного характера. Его престарелые отец и мать не успели покинуть Голландию до гитлеровской оккупации, попали в облаву и были схвачены. Последнее письмо пришло из концентрационного лагеря, и с тех пор Гаудсмит жил в непрерывном страхе за них. Разумеется, он вступил в «Отряд отморозков», чтобы бороться против Гитлера и нацистского атомного проекта. Но ему также было необходимо разыскать родителей.

Воронки от взрывов «Фау-1» в Лондоне, обследованные Гаудсмитом, и так внушали ужас, но научная разведка сообщала из Европы о разработке еще более смертоносного оружия «Фау-2» и уж совсем таинственного «Фау-3» — ракет большей дальности, скорости и разрушительной силы. Все это не особенно огорчало Джо Кеннеди. Чем серьезнее опасность, тем больше слава.

В августе 1944 г. Джозеф Кеннеди находился в Англии и коротал время, посылая письма младшему брату Джону, будущему президенту США. Как все легчики (а служил он в военно-морской авиации), Джо писал всякие глупости о девицах и жаловался на скуку и тяготы жизни в сельской местности. В действительности, будучи членом клана Кеннеди, он имел такие блага, какие и не снились рядовым бедолагам: свежие яйца, белые шелковые шарфы, граммофон, специальный сигарный ящик, велосипед для поездок в церковь. Он мог даже иногда слетать в Лондон, чтобы побаловать себя шотландским виски или пивом Pabst Blue Ribbon. В общем, жилось ему очень даже неплохо.

Но за легкомысленной болтовней в его письмах угадывалась зависть. В одном из них он поздравил Джека* с медалью за доблесть, проявленную на Южно-Тихоокеанском театре военных действий; среди прочих подвигов Джона Кеннеди значилось спасение жизни тяжелораненого моряка по имени Патрик Макмагон. Благодаря этому Джек прославился как герой войны — и заслужил неприязнь собственного брата. Поздравляя Джека, Джозеф язвительно упомянул, что видел статью о нем в очередном журнале, и добавил: «Макмагона, должно быть, уже тошнит от разговоров о тебе». При разнице в возрасте всего в два года братья выросли, соперничая из-за всего: школьных отметок, девушек, отцовской привязанности. Победителем чаще всего оказывался Джозеф, и теперь его бесило, что младший братец обошел его в главном соревновании молодежи — за боевую славу.

* Близкие всегда звали Джона Кеннеди Джекком. — *Прим. ред.*

Однако он надеялся в ближайшее время сравнять счет. Ибо, помимо воскресных месс и субботних выпивок, он проходил подготовку для выполнения совершенно секретного задания. За последний год немцы соорудили несколько таинственных бункеров для ракет на северном побережье Франции вдоль Ла-Манша. Если Гитлер действительно намеревался обрушить смертоносный атомный удар на Лондон, эти бункеры как нельзя лучше подходили в качестве пусковых площадок. Поэтому после начала обстрелов Англии ракетами «Фау-1» союзники всерьез озаботились необходимостью их уничтожения.

Однако проблема заключалась в том, что эти бункеры были такими большими и настолько укрепленными, что обычные бомбы, сброшенные с самолета, тут не годились. Союзному командованию пришлось хорошенько поломать голову, прежде чем найти решение — превратить в бомбы сами самолеты. Иными словами, начинить машину взрывчаткой, направить ее через Ла-Манш в качестве беспилотника и с помощью простейшего устройства дистанционного управления обрушить самолет-камикадзе на бункер. Единственное препятствие состояло в том, что самолет не мог взлететь сам по себе: требовался кто-то, кто разгонит крылатую бомбу по взлетной полосе, поднимет ее в воздух, положит на курс и активирует в воздухе. Одним из этих «кем-то» вызвался стать Джо.

Разумеется, в письмах брату Джо даже не намекал на подробности секретной операции, но возбуждение в них кое-где заметно. Например, он хвастался, что вскоре наверняка тоже получит медаль. Впрочем, зная, что письмо могут прочитать родители, тут же оговаривался, что находится в абсолютной безопасности. «Я вовсе не намерен рисковать своей драгоценной шеей в какой-нибудь безумной аванюре», — писал Джо. Откровенная ложь. Несколько его коллег-летчиков к тому моменту уже пострадали: одному оторвало руку, когда он выпрыгивал с парашютом, другой разбился насмерть. В реальности это была одна из самых безумных аванюр за всю войну.

Все знают, чем закончилась Вторая мировая война, — двумя черными грибовидными облаками над обугленными развалинами Хиросимы и Нагасаки. Но мало кто осознает, с какой легкостью все могло обернуться противоположным образом: войну могла завершить не американская атомная бомба, а немецкая, которая уничтожила бы не японский город, а Лондон, Париж или даже Нью-Йорк.

Многие участники Манхэттенского проекта были убеждены, что немцы успешно работают над созданием такой бомбы. В конце концов, именно немецкие химики и физики первыми открыли деление ядра, а Третий рейх организовал собственную ядерную программу (Урановый клуб) в 1939 г., на два года опередив США. К тому же в Германии располагались ведущие промышленные компании мира, способные переработать огромное количество сырья, необходимого для создания атомной бомбы. Ни одна страна в мире не могла сравниться с Германией по научному и промышленному потенциалу, не говоря уже о дьявольской целеустремленности в военной сфере.

Осознание этого имело два последствия. Во-первых, заставило американских ученых с безумной самоотдачей заняться разработкой атомной бомбы. Во-вторых, убедило союзников организовать ряд отчаянных операций, направленных на срыв немецкого ядерного проекта. Шпионы, военные, физики, политики — всем им предстояло сыграть свою роль. По словам одного историка, «пожалуй, никогда еще ученые и государственные деятели не вступали в игру со столь высокими ставками, никогда не ощущали такой насущной необходимости выкладываться с подобной отдачей».

В моей книге описаны эти героические, хаотические и порой смертельно опасные усилия, предпринятые не только людьми типа Бориса Паша или Джо Кеннеди, но и отважными женщинами-учеными вроде Ирен Жолио-Кюри или Лизы Мейтнер. Конечно,

наука вносила свой вклад в военное дело и до 1939 г., но именно в ходе Второй мировой союзники впервые снабдили ученых оружием и касками и отправили в зоны боевых действий. Эта тайная война во многом шла параллельно с открытой, но участвовавших в ней людей занимали не столько передвижения пехоты, танков и самолетов, сколько идеи — масштабные научные концепции, способные изменить мир.

Тем не менее, когда того требовали обстоятельства, союзники не гнушались использовать грязные методы. Герой следующей же главы — первый атомный шпион Америки, загадочный бейсболист Мо Берг — воровал почту у знакомых, врал начальству и с пугающим постоянством уходил в самоволку. Для него и ему подобных не существовало запретных приемов. Годилось все: авианалеты, диверсии, коктейли Молотова, похищения, — лишь бы не позволить Гитлеру получить атомную бомбу.

В отличие от других книг о нацистском проекте создания ядерного оружия, это повествование ведется с точки зрения союзников, непосредственно описывая мысли и действия людей, занятых выполнением, возможно, самого важного в истории задания. Моя книга основана преимущественно на ранее не опубликованных или недооцененных источниках, проливающих свет на деятельность многих самых поразительных, но оставшихся невоспетыми героев войны. Естественно, все их задания относились к категории совершенно секретных, и многие из них брались за дело по собственным, иногда не слишком благовидным мотивам, а некоторые рьяно сражались не только с противником, но и друг с другом. Но какими бы ни были их личные недостатки, это ни разу не заставило их дрогнуть перед лицом нацистской угрозы.

Содержание книги охватывает период от «позорного десятилетия» 1930-х гг. и открытия расщепления урана до эпической «охоты на ученых» в последние дни войны. Союзники пожертвовали миллионами жизней, воюя в Северной Африке и Италии, не говоря уже об освобождении Франции и Германии. Но они всерьез опасались, что, располагая килограммом-двумя урана, Гитлер

будет способен обратить вспять высадку союзных сил в Нормандии и навсегда закрыть им путь на Европейский континент.

Так что если эта история покажется вам суматошной, безрассудной, а порой даже безумной, на то есть серьезные причины. Ученые и военные были убеждены, что безумец может вскоре овладеть сверхчеловеческой мощью, заключенной в атомном ядре. Предотвратить это нужно было любой ценой.

ЧАСТЬ I

1939 ГОД
И РАНЕЕ

ГЛАВА 1

ПРОФЕССОР БЕРГ

Первый американский атомный шпион имел совсем не американские корни. Сбежав от погромов на Украине в 1890-е гг., отец Мо Берга Бернард отправился из Лондона в Соединенные Штаты на переполненном грязном пароходе, пропахшем колбасой и немываемыми телами. Но самые дешевые каюты на нем оказались роскошными по сравнению с гетто и съемными квартирами, которые ждали его в Нью-Йорке. Услышав, что за участие в англо-бурской войне иностранцы автоматически получают британское гражданство, Бернард вернулся в Лондон следующим пароходом — и обнаружил, что срок предложения истек. С большой неохотой он потратил последние 10 долларов на возвращение в Нью-Йорк и покорился обстоятельствам — стал американцем.

Вскоре Бернард женился на приехавшей из Румынии портнихе по имени Роуз; у них родилось трое детей, и они открыли прачечную в нижнем Ист-Сайде. Предприятие не имело успеха. Любитель книг, Бернард часто настолько увлекался чтением во время глажки, что прожигал дыры в одежде клиентов. В итоге, признав свои недостатки, он открыл в Ньюарке аптеку, поселив семью в квартире над ней. (Работая очень много, по 15 часов в день, он общался с родными через специальную трубу, которая шла на второй этаж.) Будучи первой еврейской семьей в районе, Берги порой подвергались дискриминации (дети кричали: «Эй, христубийцы!»), но со временем аптека превратилась в своего рода общественный центр округа.

Особенно прославился Бернард своими «коктейлями Берга» — слабительным снадобьем из касторового масла и рутбира. Прежде чем изготовить такой коктейль, он спрашивал миссис N, как далеко она живет. В четырех кварталах, предположим, отвечала та. Бернард отмерял соответствующие дозы и предлагал ей проглотить смесь. «Идите прямо домой, — предупреждал он, — и не останавливайтесь ни с кем поболтать». Люди на собственном горьком опыте усвоили, что он не шутил.

Мо, младший ребенок Бернарда и Роуз, родился в 1902 г. и весил при рождении всего 2,5 кг. Бернард все время работал, так что мальчик мог свободно предаваться своей страсти — бейсболу. Он постоянно бросал мячи, яблоки, апельсины — все хоть сколь-нибудь шарообразное — и уже в детстве был лучшим кетчером в Ньюарке. Мо прятался на корточках за крышками водопроводных люков, выставив перчатку, выглядевшую на его крошечной руке подушкой, и позволял местным копам обстреливать его мячом. «Сильнее! — кричал Берг. — Сильнее!» Наконец один из полицейских завелся и запустил мячом как следует. Берг пошатнулся и едва не упал. Но удержался — ни один взрослый так и не смог пробить его. Прознав о вундеркинде, его пригласила бейсбольная команда местной церкви. Там настояли, чтобы он использовал христианский псевдоним Рант Вулф, зато он быстро стал звездой команды.

Единственным, кого не впечатляли бейсбольные успехи Мо, был его отец. Став гражданином США поневоле, он так и не принял этот чисто американский вид спорта. Бернард смотрел на бейсболистов свысока, как на олухов, и противопоставлял им настоящих героев — ученых. Но Мо отличался и успехами в учебе: закончив в 16 лет школу, он поступил в Принстонский университет. Там он специализировался на романских языках (одно из пристрастий его отца), иногда прослушивая шесть курсов за один семестр; в придачу он занимался санскритом и греческим. Когда позднее Берг прославился, ни одна из его причуд не привлекала столько внимания, как талант к языкам. Одни поклонники утверждали, что он бегло говорит на шести языках, другие настаивали на восьми, а некоторые даже на дюжине.

К огорчению отца, Берг по-прежнему играл в бейсбол — теперь уже за университетскую команду Princeton Tigers. Тогда игры между университетами Лиги плюща часто собирали огромные толпы зрителей, до 20 000 человек, и Берг превратился в звезду команды, став ее лучшим шорт-стопом. Этому помогли его рост, превышавший 185 см, и руки — такие мощные, что, как вспоминал один из знакомых, «пожать ему пятерню было все равно что поздороваться с деревом». Когда Берг учился на первом курсе, «Тигры» едва не победили чемпиона мира New York Giants в показательной игре на стадионе Polo Grounds, проиграв со счетом 3 : 2. Затем, уже на последнем курсе, он привел свою команду к рекордному успеху, включая серию из 18 выигранных подряд матчей, а его собственная результативность* составила 0,337, в том числе 0,611 против университетских команд Гарварда и Йеля. В том году Мо и второй бейсмен команды, тоже полиглот, обсуждали стратегии защиты на латыни, чтобы не дать противникам понять их планы.

Можно было бы подумать, что высокий, хорошо сложенный бейсболист, да еще с талантом к романским языкам, был в Принстоне популярным парнем. Люди действительно восхищались Бергом, но в основном на расстоянии; в университете у него было мало настоящих друзей. Отчасти это была проблема Принстона. Большинство студентов (тогда это был сугубо мужской университет) закончили дорогие частные школы, а некоторые приезжали на занятия на автомобилях с водителем. Бергу же, чтобы платить за обучение 650 долларов, приходилось усердно трудиться, каждое лето работая вожатым в детском лагере в Нью-Гэмпшире и доставляя рождественские посылки во время зимних каникул. Увоенные им недешевые привычки — элегантные пиджаки, ароматическое масло для волос — никого не могли ввести в заблуждение. Еврейское

* Результативность бэттера (игрока, отбивающего битой подачу питчера) определяется как отношение хитов (ударов, после которых отбивающий, бросив биту, достиг первой базы) к подходам к бите. Выражается десятичной дробью с тремя знаками после запятой. Чем выше этот показатель у бэттера, тем лучше. — *Прим. ред.*

происхождение тоже не помогало. Во время его учебы на последнем курсе капитаном бейсбольной команды выбрали кого-то более подходящего (читай: белого протестанта англосаксонского происхождения), что, конечно, уязвило Берга. А когда настало время вступать в один из «обеденных клубов» (принстонский вариант студенческого братства), его кандидатура прошла, но с условием, что он не будет наглеть и призывать голосовать за других евреев. Оскорбленный Берг отказался от членства.

Но в изоляции был повинен не только Принстон. Характерной чертой Берга, определившей весь его жизненный путь, была скрытность. Он был хорош собой и остроумен. Мужчины восхищались его эрудицией и спортивным мастерством. Женщины млели, когда он нашептывал им что-нибудь по-французски или по-итальянски. Но он никогда не ходил на вечеринки, никого не приглашал в гости и вообще не подпускал к себе. Он был неисправимым одиночкой, постоянно отталкивал людей и играл в загадочность.

Два клуба, New York Giants и Brooklyn Robins (позднее — Brooklyn Dodgers), в 1923 г. пытались переманить Берга из Princeton Tigers, отчасти потому, что посещаемость их матчей падала и они полагали, что звезда еврейского происхождения придаст их популярности новый импульс. Но Берг колебался: в том году он очень хотел поступить в магистратуру Сорбонны в Париже. В итоге он все-таки подписал контракт, полагая, что сможет учиться в Сорбонне в межсезонье (как это водится у бейсболистов, разумеется). Из двух клубов Robins показывал худшие результаты, а это означало, что Берг мог попасть в основной состав немедленно. Так что, к вящему стыду отца, летом он подписал контракт на 5000 долларов (71 000 долларов в современном эквиваленте). Несколько дней спустя в Филадельфии, в своей первой же игре, он в качестве бэттера совершил удачный удар и перебежку.

По-видимому, это стало самым ярким событием в его дебютном сезоне. Хотя он и был неплохим полевым игроком с накачанными мышцами, молодость и своенравие, а также множество ошибок не позволяли ему проводить на поле все игровое время. Хуже того, ему никак не удавалось приспособиться к подачам питчеров Главной лиги. Пусть он и редко выбывал из игры, получив три страйка, но отбивал мяч он не очень сильно, а после этого слишком медленно двигался; однажды тренер даже бросил, что Берг как будто обегает базы в снегоступах. Его результативность в 49 играх составила всего 0,186, и один агент охарактеризовал перспективы Берга шестью словами: «Хорош в поле, плох в хитах».

Вместо того чтобы обрабатывать хиты, зимой Берг уехал в Сорбонну. Обучение было дешевым (1,95 доллара за курс, 28 долларов сегодняшними деньгами), поэтому он записался аж на 22 предмета, включая французский, итальянский, средневековую латынь и «Комизм в драме». Особенно ему нравилось отслеживать «бастардизацию» латыни по мере ее распространения по Европе. («Чем дальше легионы Цезаря уходили от Рима, тем больше чистая латынь разбавлялась словами и идиомами из языков народов, которые они старались покорить», — объяснял он позднее.) Студентом Берг был весьма бесцеремонным. Перед одним из курсов по истории Европы, который охватывал напряженные десятилетия перед Первой мировой войной, он заявил: «Если подача будет слишком односторонней, я велю профессору засунуть свой курс себе в...» Но в целом занятия целиком оправдали его ожидания. В письме домой он заявил, что за некоторые отдельные лекции заплатил бы и 5 долларов, настолько они были хороши: «Я тут получаю столько пользы, что должен бы пожертвовать средства на учреждение в Сорбонне новой кафедры».

Во время учебы в Париже Берг также на всю жизнь приобрел привычку читать по несколько газет в день, часто на разных языках. Пожитков у него было немного, но к газетам он относился с особым трепетом. Он стопками приносил их в свою комнату и читал сначала несколько заметок из одной, а потом несколько из другой. Затем

согласно какой-то только ему ведомой системе хранения он раскладывал их на стульях, комодах, в ванной, даже на кровати, намереваясь вернуться к ним позднее. Он называл эти недочитанные издания «живыми» газетами, и горе любому, кто осмеливался прикоснуться к ним. Берг взрывался от ярости, бросал оскверненные экземпляры в корзину и бежал покупать «чистую» газету, невзирая на позднее время или ненастную погоду. Лишь когда газета была прочитана и объявлена «мертвой», окружающим дозволялось дотронуться до нее. Никто не мог понять, почему он так расстраивался, — это было одним из аспектов «тайны Мо Берга».

К несчастью для своей бейсбольной карьеры, в Париже Берг не ограничивал себя не только в газетах; он в полной мере воздал должное местной кухне. Обычно день начинался с шоколада и круассанов с маслом на завтрак, а заканчивался плотным ужином в ресторане за 50 центов. Напитки искушали Берга не меньше. В одном из писем домой он заявил: «Я, вероятно, больше не буду пить воду. Вино очень укрепляет». Он не занимался физическими упражнениями (исключение составляли пешие прогулки) и набрал той зимой не менее 4,5 кг. В результате в марте он явился на весенние сборы в ужасной форме и был переведен в низшую профессиональную лигу.

Так началось его тоскливое прозябание в командах низшей лиги: из Minneapolis Millers в Toledo Mud Hens, а оттуда — в Reading Keystones. (Понижение в статусе, надо думать, еще больше рассердило его отца.) Но за второй сезон в этом чистилище Берг собрал 200 хитов и 124 очка, заработанные командой после удара бэттера, так что в 1926 г. Chicago White Sox перекупили его за 50 000 долларов (сегодня это 700 000 долларов). Это был гигантский контракт; не желая упустить и этот шанс, Берг работал на совесть и в следующие несколько лет показывал лучший бейсбол в своей жизни.

Этим Берг был отчасти обязан переходу на более подходящую ему позицию. На протяжении многих лет он рассказывал разные версии этой истории, но в августе 1927 г. основной кетчер Chicago White Sox получил травму в результате столкновения. Вскоре, когда команда в один день проводила две игры, его дублер сломал